

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

В серии
«Звезды научной фантастики»
вышли:

Питер Уоттс. *Ложная слепота*
Питер Уоттс. *Эхопраксия*
Питер Уоттс. *По ту сторону рифта*
Йен Макдональд. *Бразилья*
Адам Робертс. *Стеклянный Джек*
Дэниэл Суарез. *Поток*
Грег Иган. *Город перестановок*
Джеймс Камбиас. *Темное море*
Сборник «*Край бесконечности*»
Тед Косматка. *Мерцающие*
Йен Макдональд. *Новая Луна*

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ЧАРЛЬЗ УИЛСОН

ХРОНОЛИТЫ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)
УЗ6

Серия «Звезды научной фантастики»

Robert Charles Wilson
THE CHRONOLITHS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Перевод с английского: Мария Акимова

В оформлении обложки использована
иллюстрация Павла Трофимова

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

Уилсон, Роберт Чарльз

УЗ6 Хронолиты / Роберт Чарльз Уилсон.— Москва: Изда-
тельство АСТ, 2017.— 381, [1] с.— (Звезды научной фанта-
стики).

ISBN 978-5-17-100174-2

Первый хронолит прибыл без предупреждения. Колонна высотой в 60 метров разрушила все вокруг себя, и ее нельзя было ни расколоть, ни взорвать. Она отмечала победу неизвестного военачальника в сражении, которое случится лишь через 16 лет. Первый хронолит пришел из будущего, но он не стал последним. С каждым годом их появлялось все больше, они сносили целые города, сеяли хаос и свержали государства, провозглашая власть правителя, о существовании которого никто не знал, с помощью технологий, секрет которых не мог разгадать ни один ученый в мире.

Скотт Уорден, ставший свидетелем возникновения первого хронолита, помимо своей воли попадает в самый центр исследования этого загадочного феномена, в эпицентр битвы с неизбежным будущим. Но как предотвратить то, что уже случилось? И возможно ли это?

© 2001 by Robert Charles Wilson
© Мария Акимова, перевод, 2016
© Павел Трофимов, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть первая

ПРИШЕСТВИЕ ХРОНОЛИТОВ

Глава первая

Именно Хитч Пэйли, промчавшийся на битом «Даймлере» по утрамбованному песку пляжа, позади танцевального павильона в Хат Тай, и был тем человеком, который позвал меня в свидетели конца эпохи. Моей и всего мира. Но я не виню Хитча.

Ничто не случайно. Теперь я это понимаю.

Он подошел с ухмылочкой, что, вообще говоря, в случае Хитча — дурной знак. Он был экипирован в типичный для того последнего нормального лета прикид американца-в-Таиланде: армейские шорты, пляжные сандалии, безразмерная футболка цвета хаки и пестрая бандана. Приятель мой — здоровенный мужик, бывший морской пехотинец, бородатый и с приличным брюхом. Несмотря на свой наряд, выглядел он внушительно и, хуже того, казался веселым.

Я точно знал, что он провел ночь в шатре для вечеринок с чиновницей немецкого дипкорпуса. Она кормила его печеньем с марихуаной, потом он кормил ее,

а потом начался прилив, и они отправились любоваться бликами луны на воде. Если бы он и встал ни свет ни заря, то совсем не таким бодрым.

Мне тоже не нужно было рано вставать.

Посидев пару часов у костра, я пошел домой, к Дженис, но мы долго не спали. Кейтлин слегла с насморком, и весь вечер Дженис то успокаивала дочь, то сражалась с армией огромных тараканов, которые заполнили теплые и липкие от жира щели газовой плиты. Учитывая жаркую ночь и напряжение, нараставшее между нами, наверное, не стоит удивляться, что мы ругались почти до самого рассвета.

Так что ни Хитч, ни я свежими не выглядели и даже думали с трудом, хотя утренний свет и вселял в меня фальшивую бодрость, веру в то, что мир, залитый таким ярким светом, просто обязан быть надежным и вечным. Солнечные лучи наводили глянец на тяжелые воды бухты, высвечивали рыболовные шлюпки, словно точки на радаре, и обещали еще один безоблачный день. Пляж был широким и ровным, как шоссе, дорога в какое-то неведомое и прекрасное место.

— Слышал этот звук ночью? — Хитч начал разговор, как всегда, без предисловий, словно мы и не расставались. — Похожий на рев реактивного двигателя?

Конечно, я слышал его около четырех утра, когда Дженис потопала в постель. Кейтлин, наконец, уснула, и я остался один за покрытым потертым линолеумом кухонным столом с чашкой кислого кофе. Приемник ловил американский джаз, приглушенный до деликатного шепота.

Трансляцию секунд на тридцать прервал странный треск. Словно раскат грома, несколько раз повторен-

ный эхом (тот самый «реактивный двигатель» Хитча), и немного погода непонятный холодный ветерок застучал по горшкам с бугенвиллеями Дженис, висевшими напротив окна. Жалюзи приподнялись и упали в легком приветствии. Дверь в спальню Кейтлин сама собой приоткрылась, дочка заворочалась под сетчатым пологом, недовольно пискнула, но не проснулась.

Не то чтобы рев двигателя — скорее летняя гроза, бормотание зарождающегося или утихающего шторма над Бенгальским заливом. Ничего необычного в это время года.

— Компашка рестораторов сегодня утром остановилась в «Дюке», они скупили весь наш лед,— продолжил Хитч,— для дачи какого-то богатея. Рассказывали, что дорогу на холме реально разнесло, будто фейерверком или артобстрелом. Деревья вырывало с корнем. Хочешь глянуть, Скотти?

— И на то, и на другое,— ответил я.

— Чего?

— В смысле, да.

Это было решение, безвозвратно изменившее мою жизнь, а я принял его по глупости. И виноват в этом Фрэнк Эдвардс.

Фрэнк Эдвардс в прошлом веке работал радиоведущим в Питтсбурге и составил сборник якобы правдивых чудес («Непонятнее самой науки», 1959), в котором собрал самые живучие сказки, вроде загадки Каспара Хаузера или «космического корабля», взорвавшегося над сибирской Тунгуской в 1910 году.

Книга и горстка ее продолжений стали настоящим пунктиком нашего семейства в те времена, когда я был настолько наивен, что воспринимал подобную чепуху всерьез. Отец отдал мне мягкое, списанное библиотечное издание «Непонятнее самой науки», и я — десятилетний пацан — проглотил его за три ночи. Думаю, отец считал, что такие истории подстегнут мальчишеское воображение. Если так, то он оказался прав. Тунгуска находилась за тридевять земель от предместья Балтимора, куда Чарльз Картер Уорден засадил свою беспокойную жену и единственного отпрыска.

Я перерос привычку верить во что попало, но слово «странный» стало моим личным талисманом. Странным был мой образ жизни. Странным было решение остаться в Таиланде, когда все контракты улетучились. Странными были длинные дни и ночи под кайфом на пляжах Чумпхона, Самуи и Пхукета; странными, как спиральная геометрия древних Ватов¹.

Быть может, Хитч прав. Возможно, какое-то таинственное чудо приземлилось в нашей провинции. Хотя более вероятно, что там произошел лесной пожар или разборка наркоторговцев, однако поставщики говорили Хитчу, что это было «что-то из космоса», а кто я такой, чтобы спорить? Мне и так было не по себе, а тут еще перспектива провести впустую еще один день, отбиваясь от жалоб Дженис. А мне это не приносит удовольствия. Так что, вскочив в седло «Даймлера» и забив на последствия, мы рванули вдоль

¹ *Ват* — буддийский храм.

побережья в облаке сизых выхлопов. Я не задержался, чтобы сообщить Дженис, что уезжаю. Сомневался, что ее это интересует, и к тому же собирался вернуться вечером.

В те времена немало американцев пропадало в Чумпхоне и Сатуне — их похищали ради выкупа, убивали за пару монет в кармане, втягивали в героинный трафик. Но я был так молод, что меня это не волновало.

Мы проехали «Крутягу Дюка» — хибару, где Хитч якобы продавал рыболовные снасти, а на деле толкал местную марихуану народу с вечеринок — и свернули на другую дорогу. Движение было спокойное — всего несколько фур с рыбных ферм Си-Про, дешевые маршрутные такси и *сонгтео*¹, разукрашенные, как карнавальные повозки, да туристические автобусы. Хитч гнал с пылом и бесстрашием аборигенов, которые в пути тренируются контролировать мочевой пузырь. Но порывы сырого ветра бодрили, особенно когда мы свернули на автостраду, ведущую вглубь материка, и день только начинался и обещал быть чудесным.

Чем дальше от побережья, тем более гористым становится Чумпхон. Когда мы свернули, то стали почти единоличными хозяевами дороги, пока мимо, обдав нас градом гравия, не проревела фаланга погранич-

¹ *Сонгтео* (или «тук-тук») — самый недорогой маршрутный транспорт в Таиланде, легковой пикап с крышей и без стекол, внутри которого расположены две скамьи друг против друга.

ной полиции. Да, определенно что-то случилось. Мы ненадолго остановились, чтобы Хитч облегчился на заправочной станции («*Hawng Nam*», что буквально означает «*Где тут вода?*»), пока я настраивал свой портативный приемник на англоязычную радиостанцию Бангкока. Сплошные американские и британские музыкальные чарты и ни слова про марсиан. Но стоило Хитчу вернуться из туалета, как бригада Королевской Тайской армии, три бронетранспортера и несколько дребезжащих хаммеров, пронеслась в том же направлении, что и местная полиция. Хитч посмотрел на меня, я — на него.

— Достань камеру из багажника,— велел он, на этот раз не улыбаясь, и вытер руку о шорты.

Впереди разворошенные холмы прорезал светлый столб то ли тумана, то ли дыма.

Я и понятия не имел, что моя пятилетняя дочь Кейтлин проснулась в дикой лихорадке, и Дженис добрых двадцать минут напрасно искала меня, прежде чем сдалась и отправилась с Кейт в благотворительную больницу.

Здесьний врач был канадцем, жил в Чумпхоне с две тысячи второго года и делал вполне современные операции на пожертвования какого-то департамента Всемирной организации здравоохранения. Доктор Декстер, как звали его люди на пляже. Человек, разбирающийся в сифилисе или кишечных паразитах. К тому времени, когда он принял Кейтлин, температура у нее поднялась до сорока градусов, и малышка лишь изредка приходила в сознание.

Дженис, конечно, сходила с ума. Должно быть, она опасалась худшего: японского энцефалита, о котором мы читали в газетах весь год, или денге, убившей так много людей в Мьянме. Доктор Декстер диагностировал обычный грипп (эта зараза гуляла в Пхукете и Самуи с марта) и накачал Кейт противовирусными препаратами.

Дженис устроилась в приемной больницы и периодически пыталась дозвониться мне. Но я оставил телефон дома, в рюкзаке на полке. Она могла бы попытаться набрать Хитча, но тот не доверял открытым каналам связи; он носил только GPS-навигатор и компас, считая, что этого более чем достаточно для настоящего мужика.

Когда я заметил колонну сквозь лесную дымку, то принял ее за чеди¹ далекого Вата — одного из буддийских храмов, разбросанных по всей Юго-Восточной Азии. В любой энциклопедии, к примеру, найдется фотография Ангкор-Вата. Вы бы оценили его, если бы увидели: гробница с каменными башнями, которые выглядят удивительно естественно, словно окаменелые кости какого-то огромного тролля, брошенные в джунглях.

Но этот чеди — я рассмотрел его лучше, когда мы поднялись наверх по извилистой дороге, — был не правильной формы и неправильного цвета.

¹ Чеди — в буддийском искусстве Таиланда разновидность ступы (вид гробницы или памятника). Характеризуется ступенчатым основанием, которое переходит в колоколообразную форму с навершием в виде высокого шпиля.

Мы въехали на гребень горы и оказались перед блокпостом королевской полиции, пограничных патрульных машин и разномастных военных на ржавых внедорожниках. Они разворачивали обратно все машины. Четверо солдат тренировались в стрельбе по древнему сонгтео марки «Хендай», наполненному кудачущими курами. Пограничные копы выглядели молодыми, но очень недружелюбными в своих хаки и очках «авиатор», винтовки они держали так, что это действовало на нервы. Мне не хотелось с ними связываться, о чем я и сказал Хитчу.

Не знаю, услышал ли он. Его внимание было приковано к монументу — пока буду использовать это слово — что виднелся вдаль.

Теперь мы могли ясно его рассмотреть. Странная штука оседлала верхнюю террасу холма, до половины скрытая туманом. Без каких-то видимых ориентиров трудно было судить о ее размерах, но, полагаю, она была не меньше трехсот футов в высоту.

В силу своего невежества мы могли бы ошибочно принять ее за космический корабль или оружие, но, по правде, стоило мне присмотреться, как я сразу определил ее как своего рода памятник. Вообразите усеченный Монумент Вашингтона из голубого стекла, со слегка закругленными углами. Я понятия не имел, кто создал его или как он оказался здесь — по видимому, за одну ночь,— но при всех своих странностях выглядел он однозначно рукотворным, а люди создают такие вещи с единственной целью: заявить о себе, обозначить свое присутствие и продемонстрировать силу. То, что эта штука вообще тут находилась, было странно до умопомрачения, но все подтвержда-

ло ее реальность — и ее масса, и размер, и невообразимо нелепый вид.

Потом начал подниматься туман, заслоняя нам обзор.

Двое неприветливых парней в форме развязно зашагали в нашу сторону.

— Похоже на то,— произнес Хитч, его едва заметный протяжный юго-западный говорок звучал слишком уж лениво, учитывая обстоятельства,— что скоро сюда слетятся все американские и ооновские засранцы плюс еще куча яйцеголовых умников.

Над горным хребтом уже кружил вертолет,— без опознавательных знаков, но явно военный, ветер от его винтов взбалтывал туманную дымку.

— Тогда возвращаемся,— ответил я.

Он сделал один снимок и спрятал камеру подальше.

— Это необязательно. С той стороны холма есть тропа контрабандистов. Она отходит от главной дороги в полумиле отсюда. Мало кто о ней знает,— он снова усмехнулся.

Я изобразил улыбку в ответ. Передумать мы всегда успеем, а я знал Хитча и понимал, что спорить с ним не имеет смысла. А еще мне не хотелось оставаться возле этого КПП без тачки. Хитч круто развернулся, и мы оставили тайских копов пялиться в дыру нашей выхлопной трубы.

Это было часа в два или три, примерно в то время, когда у Кейтлин из левого уха начал сочиться кровавый гной.

Мы поднимались, петляя, по тропе контрабандистов, пока могли проехать на «Даймлере», потом

спрятали байк в зарослях и больше четверти мили топали пешком.

Дорога была трудной, когда ее прокладывали, думали о маскировке, а не об удобстве. Крутое местечко, как назвал ее Хитч. У него в багажнике отыскились походные ботинки, а мне пришлось топтать в кроссовках, с опаской думая о змеях и насекомых.

Если бы мы прошли еще дальше, то точно добрались бы до какого-нибудь схрона наркоты или рудника, а может, даже до бирманской границы, но через двадцать минут тропа привела нас настолько близко к монументу, насколько мы и хотели — вернее, насколько мы *смогли* подобраться.

До него было около тысячи ярдов.

Первыми людьми, увидевшими его вблизи, мы, конечно, не стали. В конце концов, он ведь перегородил дорогу, и случилось это часов двенадцать назад, более того — фанфары «реактивного двигателя» прошлой ночью возвестили о появлении артефакта.

Но мы были одними из первых.

Хитч остановился возле поваленных деревьев. В этой части леса росли в основном сосны и местами дикий бамбук, все они рухнули, как домино, вокруг основания монумента, и обломки завалили проход к нему. Сосны, по всей видимости, повалило какой-то взрывной волной, но они не сгорели. Совсем наоборот. Листья вырванного с корнем бамбука оставались зелеными и только-только начали вянуть от дневной жары. От всего здесь — от деревьев, тропы и самой земли — веяло холодом. *Бодрило так*, как бывает, когда ощущаешь на кончиках пальцев неожиданную

прибыль. Хитч не преминул сказать об этом, а я не мог оторвать взгляд от самого монумента.

Если бы я знал, что произойдет позже, то поумерил бы свой восторг. В свете дальнейших событий это было еще относительно скромное чудо. Но я точно знал, что столкнулся с чем-то невероятным, гораздо более странным, чем то, о чем рассказывал Фрэнк Эдвардс в старых номерах «Питтсбургских новостей», и испытывал страх и невероятный энтузиазм одновременно.

Монумент. Начнем с того, что это не была статуя — то есть изображение человека или животного. Он представлял собой гладко отполированный четырехгранный столб с конической вершиной. Материал, из которого он был сделан, напоминал стекло, но невероятного, невозможного размера. Он был синего цвета: глубокая, непроницаемая синева горного озера, мирного и в то же время зловещего. Непрозрачный, но, казалось, пропускающий свет. С нашей — северной — стороны он был покрыт белыми пятнами: лед — я едва не остолбенел, когда понял, что это именно он — медленно испарялся в жарком воздухе. От тумана изуродованные стволы у его основания покрылись влагой, а место, где монумент вошел в землю, скрывали холмы тающих сугробов.

Лед и неестественный холод, поднимавшийся от поваленных деревьев, придавали всей сцене особенно зловещий вид. Я представил обелиск, вырастающий, словно громадный кристалл турмалина, из какого-то подземного ледника... Но такое бывает только во сне. О чем я и сказал Хитчу.